

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

#эксмогетство

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г58

Гоголь, Николай Васильевич.
Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки / Николай Гоголь ; [иллюстрации Карла Брожа, Самуила Дудина, Михаила Михайлова и др.]. — Москва : Эксмо, 2022. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-04-168796-0

В сборник вошли все произведения из книги «Вечера на хуторе близ Диканьки»: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Заколдованное место». Истории, наполненные необъяснимыми событиями, таинственными происшествиями, захватывающими приключениями и невероятным волшебством.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» входит в школьную программу по литературе для средней школы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-168796-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Часть первая

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Э то что за невидаль: *Вечера на хуторе*¹ близ *Диканьки*? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник!² Слава богу! ещё мало ободрали гусей на перья³ и извели тряпья на бумагу! Ещё мало народу, всякого звания и сброду, вымарали пальцы в чернилах! Дёрнула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё».

Слышало, слышало вещее моё все эти речи ещё за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захоlustья в большой свет — батюшки мои! — это всё равно как, случается, иногда зайдёшь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Ещё бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошёл, мужик, пошёл!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок⁴

¹ Хутор — небольшая деревушка.

² Пасичник — пасечник, пчеловод.

³ То есть на перья для письма; до изобретения стальных перьев писали гусиными.

⁴ Подсудок — заседатель суда.

из земского суда, ни почтенный иерей¹, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчёл в тёмный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонёк, смех и песни слышатся издалеча, бречит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!* Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберётся в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретёна шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки² с скрипачом — подымется крик, затеется шаль³, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только

---

¹ Иерей — священник.

² Парубок — парень.

³ Затёется шаль — начнутся шутки, потехи.

не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька¹. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному и повыше пасичника сделали бы честь по-сещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпустить! Две из них найдёте в этой книжке. Он никогда не носил пестрядёвого халата², какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в тонком суконном балахоне, цветку застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дёгтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем³, какого, думаю, с радостью иной

---

¹ Рудóй, или рúдый — рыжий; Панькó — уменьшительное от Афанасий.

² Пестрядёвый халáт — из грубой полосатой ткани.

³ Сма́лец — бараний жир. (Примеч. Гоголя.)

мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели¹ или подкомории². Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдёт рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападёт. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабралси таких! Фома Григорьевич раз ему насчёт этого славную сплёл присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латынщиком³, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на *ус*. Лопата у него — лопатус; баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латынщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хватъ его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухва-

---

¹ Заседа́тель — выборный член сельского суда.

² Подкомо́рий — судья, ведавший делами, связанными с проведением границ земельных участков.

³ Латы́нщик — знаток латинского языка.

тясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, чорт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посереде комнаты, нагнул голову немного вперёд, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щёлкнул пальцем по намалёванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растёртого с золою и листьями любистка¹, поднёс её коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и всё ни слова/ Да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя, чуть ли ещё не поговорку: *«Не мечите бисера перед свиньями»*. «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий книш² с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к книшу, и, как всегда водится, начали прихватывать мастерицу-хозяйку. Ещё был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нём) такие выкапывал страшные истории,

---

¹ Любисток, или любисток — травянистое растение; иначе называется зоря.

² Книш — испечённый из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом. (Примеч. Гоголя.)

что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда: ещё напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости господи, как чорта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдёте побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, лень только проклятая рыться, наберётся и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямёхонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил её на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня¹. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живёт пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведёт вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третье-

---

¹ Курёнь — соломенный шалаш. (Примеч. Гоголя.)

го году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам ещё покупные.

Зато уже, как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а мёду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесёшь сот — дух пойдёт по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течёт по губам, когда начнёшь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху¹ с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю² с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж, что я, в самом деле, разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

Пасичник Рудый Панько

---

¹ Варенуха — варёная водка с пряностями. (*Примеч. Гоголя.*)

² Пу́тря — кушанье, род каши. (*Примеч. Гоголя.*)

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мені нудно в хаті жить.
Ой вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки!¹

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные

---

¹ Мне тоскливо жить в хате. Вези меня из дому туда, где много шуму, где девушки все танцуют, где парни веселятся.

массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщёт золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамках... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемою вереницею чумаки¹ с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра² хвастливо выказывалась из высоко взгромождённого на возу плетня и привлекала умилённые взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца

---

¹ Чумаки — обозники, ездившие с Украины в Крым, главным образом за солью и рыбой.

² Макитра — глиняный горшок, в котором трут мак. Глиняная посуда на Украине обычно расписывается ярким цветным орнаментом.

сих драгоценностей, который медленными шагами шёл за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щёголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одинок в стороне тащился на истомлённых волах воз, наваленный мешками, пенькóю, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брёл, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета её. Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с чёрными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на её очаровательной головке. Всё, казалось, занимало её; всё было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки

беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!.. Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зелёной кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики красного только цвета, в богатой плахте¹, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке², придававшем какую-то особенную важность её красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на весёленькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл³; издали уже веяло прохладю, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь тёмно-и светло-зелёные листья небрежно раскиданных по лугу осоков⁴, берёз и тополей засверкали

---

¹ Пла́хта — род юбки, состоящей из трёх полотнищ шёлковой или шерстяной материи, обычно яркого цвета, с широким поясом.

² Очй пок — род чепца, носимый замужними женщинами.

³ Псёл — приток Днепра.

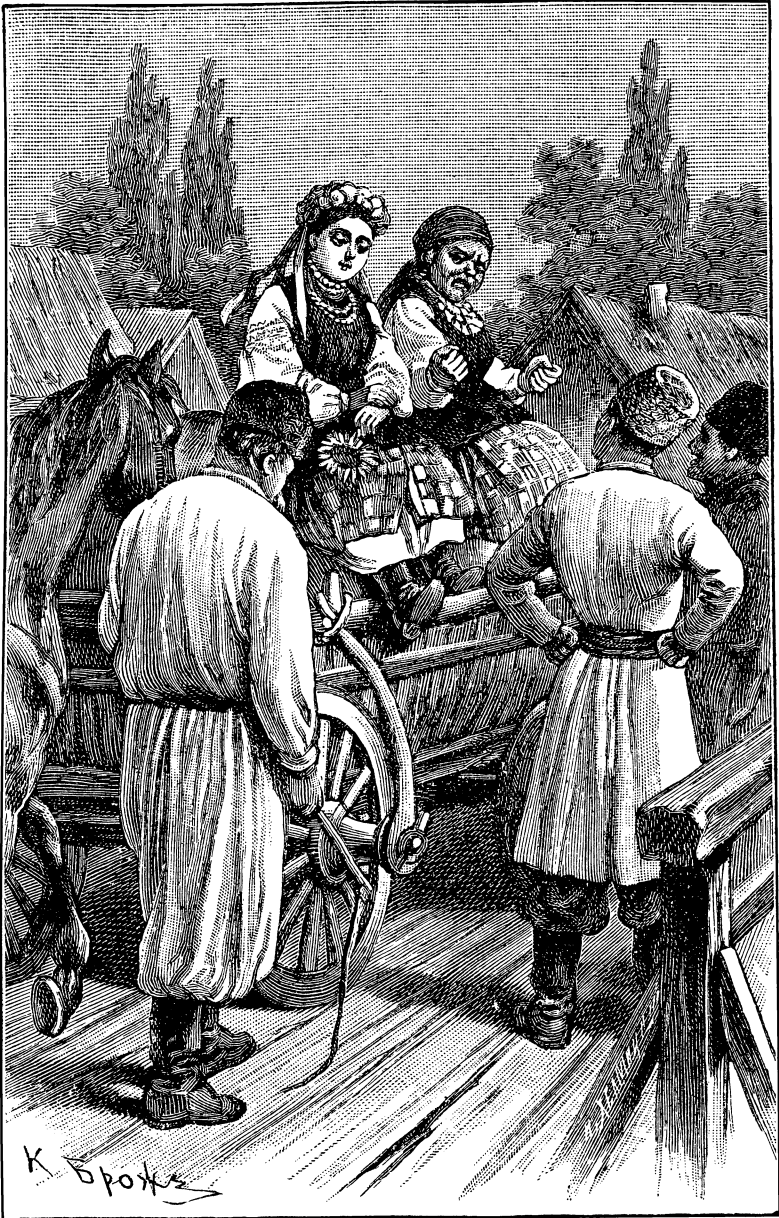
⁴ Осоко́рь — один из видов тополей.

огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зелёные кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе её полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осенённую тёмною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам её конца нет, — она почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжёлые колёса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зелёные и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё продолжение пути, как вдруг слова: «Ай да дивчина¹!» — поразили слух её. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих,

---

¹ Ді вчина, или дивчі на — девушка.

в белой свитке¹ и в серой шапке решетиловских смушек², подпёршись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть её насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесённое слово.

«Славная дивчина! — продолжал парубок в белой свитке, не сводя с неё глаз. — Я бы отдал всё своё хозяйство, чтобы поцеловать её. А вот впереди и дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щёки её превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождём на голову разгульного парубка:

«Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чорт бороду обжёт!»

«Вишь, как ругается! — сказал парубок, вытирашив на неё глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий. — И язык у неё, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова».

«Столетней! — подхватила пожилая красавица. — Нечестивец! поди, умойся наперёд! Сорва-

---

¹ Свítка — род полукафтаны. (Примеч. Гоголя.)

² Ша́пка решетиловских смушек — из чёрного, мелкокудрявого бараньего меха. Овчины различались по породе овец: решетиловская — чёрная, мелкая; черкасская — белая, кудрявая и т. д.

нец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тётка дрянь! Столетней! что у него молоко ещё на губах...»

Тут воз начал спускаться с мосту, и последних слов уже невозможно было расслушать; но парубок не хотел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силой. Дородная щеголиха вскипела гневом; но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть её обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж, несмотря на это, неуголимый язык её трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле. Встреча с кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время из головы это неприятное происшествие, заставив наших путешественников поговорить об ярмарке и отдохнуть немного после дальнего пути.

II

Що, боже ти мій, господи! чого нема на тій ярмарці! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремінь, цибуля, крамарі всякі... так, що хоть би в кишені було рублів із тридцять, то і тоді б не закупив усієї ярмарки¹.

Из малороссийской комедии

Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдалённый водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных, неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срас-

---

¹ Господи боже мой, чего только нет на той ярмарке! Колёса, стекло, дёготь, табак, ремень, лук, торговцы всякие... так что, если бы в кармане было хоть тридцать рублей, то и тогда бы не закупить всей ярмарки.

тается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рёв — всё сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — всё ярко, пёстро, нестройно; мечется кучами и снуётся перед глазами. Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасётся от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно.

Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться. Приезжий мужик наш с чернобровою дочкой давно уже толкался в народе. Подходил к одному возу, щупал другой, применялся к ценам; а между тем мысли его ворочались безостановочно около десяти мешков пшеницы и старой кобылы, привезённых им на продажу. По лицу его дочки заметно было, что ей не слишком приятно тереться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками¹ нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты². Но и тут, однако ж, она находила себе много предметов для наблюдения: её сместило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая

---

¹ Я т к а — род палатки или шатра. (*Примеч. Гоголя.*)

² Д у к а т ы — в данном случае небольшие медные медальки, похожие на дукаты — старинные золотые венецианские монеты; употреблялись для монист (ожерелей), носимых женщинами на шее.

сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя¹, как поссорившиеся перекупки² перекидывались бранью и раками; как москаль³, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вот почувствовала она, кто-то дёрнул её за шитый рукав сорочки. Оглянулась — и парубок, в белой свитке, с яркими очами, стоял перед нею. Жилки её вздрогнули, и сердце забилося так, как ещё никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею.

«Не бойся, серденько, не бойся! — говорил он ей вполголоса, взявши её руку. — Я ничего не скажу тебе худого!»

«Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостаёт взять от него руку».

Мужик оглянулся и хотел что-то промолвить дочери, но в стороне послышалось слово: пшеница. Это магическое слово заставило его в ту же минуту присоединиться к двум громко разговаривавшим негоциантам⁴, и приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. Вот что говорили негоцианты о пшенице.

---

¹ «Дать киселя» — значит ударить кого-нибудь сзади ног. (*Примеч. Гоголя.*)

² Переку́пка — торговка. (*Примеч. Гоголя.*)

³ Моска́ль — прозвище, данное украинцами русским, главным образом солдатам.

⁴ Негициа́нт — купец.

III

Чи бачиш, він який парнище?
На світі трохи єсть таких.
Сивуху так мов брагу хлище!¹

Котляревский.

*Энеида*²

— Так ты думаешь, земляк, что плохо пойдёт наша пшеница? — говорил человек, с вида похожий на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестрядёвых, запачканных дёгтем и засаленных шароварах, другому в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу.

— Да думать нечего тут; я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку.

— Кого ты, земляк, морочишь? Привозу ведь, кроме нашего, нет вовсе, — возразил человек в пестрядёвых шароварах.

«Да, говорите себе, что хотите, — думал про себя отец нашей красавицы, не пропускавший ни одного слова из разговора двух негоциантов, — а у меня десять мешков есть в запасе».

---

¹ Видишь, какой парнище? На свете мало таких. Сивуху, словно брагу, хлещет!

² Котляре́вский Ива́н Петро́вич (1769–1838) — известный украинский писатель. Главное его произведение — «Перелицованная Энеида», пародийная переделка поэмы древнеримского поэта Вергилия. В поэме Котляревского дано сатирическое изображение украинской жизни XVIII века.

— То-то и есть, что если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля, — значительно сказал человек с шишкою на лбу.

— Как чертовщина? — подхватил человек в пестрядёвых шароварах.

— Слышал ли ты, что поговаривают в народе? — продолжал с шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмые очи.

— Ну!

— Ну, то-то ну! Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвёл для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый, развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою? (Тут любопытный отец нашей красавицы подвинулся ещё ближе и весь превратился, казалось, во внимание.) В том сарае то и дело, что водятся чертовские пашни; и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь проходил поздно вечером, только глядь — в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже; того и жди, что опять покажется *красная свитка!*

— Что ж это за *красная свитка?*

Тут у нашего внимательного слушателя волосы поднялись дыбом; со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки. Это разогнало его страх и заставило обратиться к прежней беспечности.

— Эге, ге, ге, земляк! да ты мастер, как вижу, обниматься! А я на четвёртый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму: бывши *дружкой*¹, уже надоумил.

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далёк, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу.

— Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал.

— Может, и узнал.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик.

— Так, Солопий Черевик.

— А взглядишь-ко хорошенько: не узнаёшь ли меня?

— Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что чорт их и припомнит всех!

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримов сын?

— А кто ж? Разве один только *лысый дидько*², если не он.

Тут приятели побрались за шапки, и пошло лобызание; наш Голопупенков сын, однако ж, не теряя времени, решил в ту же минуту осадить нового своего знакомого.

---

¹ Дружка — в народном свадебном обряде главный распорядитель.

² Лысы́й ди́дько — домовый, демон. (Примеч. Гоголя.)

К Брошур

— Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе.

— Что ж, Параска, — сказал Черевик, оборотившись и смеясь к своей дочери, — может, и в самом деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтоб и паслись на одной траве! Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай магарычу!¹ — и все трое очутились в известной ярмарочной ресторации² — под яткою у жидовки, усеянную многочисленной флотилией сулей³, бутылей, фляжек всех родов и возрастов.

— Эх, хват! за это люблю! — говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как наречённый зять его налил кружку величиною с полкварты⁴ и, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом её вдребезги. — Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебе достал! Смотри, смотри: как он молодецки тянет пенную!⁵ — и, посмеиваясь и покачиваясь, побрёл он с нею к своему возу, а наш парубок отправился по рядам с красными товарами, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода — двух знаменитых городов Полтавской губернии, — выглядывать лучшую деревянную люльку⁶ в мед-

---

¹ Мага́рыч — угощение в связи с заключением выгодной сделки, получением премии, награды и т.п.; устраивается той стороной, которая получила выгоду, премию и т.п.

² Ресторáция — ресторан.

³ Сулея́ — большая бутылка.

⁴ Полквáрты — кружка, двадцатая часть ведра.

⁵ Пённая — водка.

⁶ Лю́лька — трубка. (Примеч. Гоголя.)

ной, щегольской оправе, цветистый по красному полю платок и шапку для свадебных подарков теще и всем, кому следует.

IV

Хоть чоловікам не онеє,
Та коли жінці, бачиш, тее,
Так треба угодити...¹

Котляревский

— Ну, жинка!² а я нашёл жениха дочке!

— Вот, как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать. Дурень, дурень! тебе, верно, и на роду написано остаться таким! Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый человек бегал теперь за женихами? Ты подумал бы лучше, как пшеницу с рук сбыть; хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев³.

— Э, как бы не так, посмотрела бы ты, что там за парубок! Одна свитка больше стоит, чем твоя зелёная кофта и красные сапоги. А как сивуху важно дуется... Чорт меня возьми вместе с тобою, если я видел на веку своём, чтобы парубок духом вытянул полкварти, не поморщившись.

— Ну, так: ему если пьяница да бродяга, так и его масти. Бьюсь об заклад, если это не тот

---

¹ Хоть мужику нужно одно, но коль баба, видишь ли, хочет другое, то нужно угодить...

² Жинка — жена.

³ Голодрабец — бедняк, бобыль. (Примеч. Гоголя.)

самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадётся мне: я бы дала ему знать.

— Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?

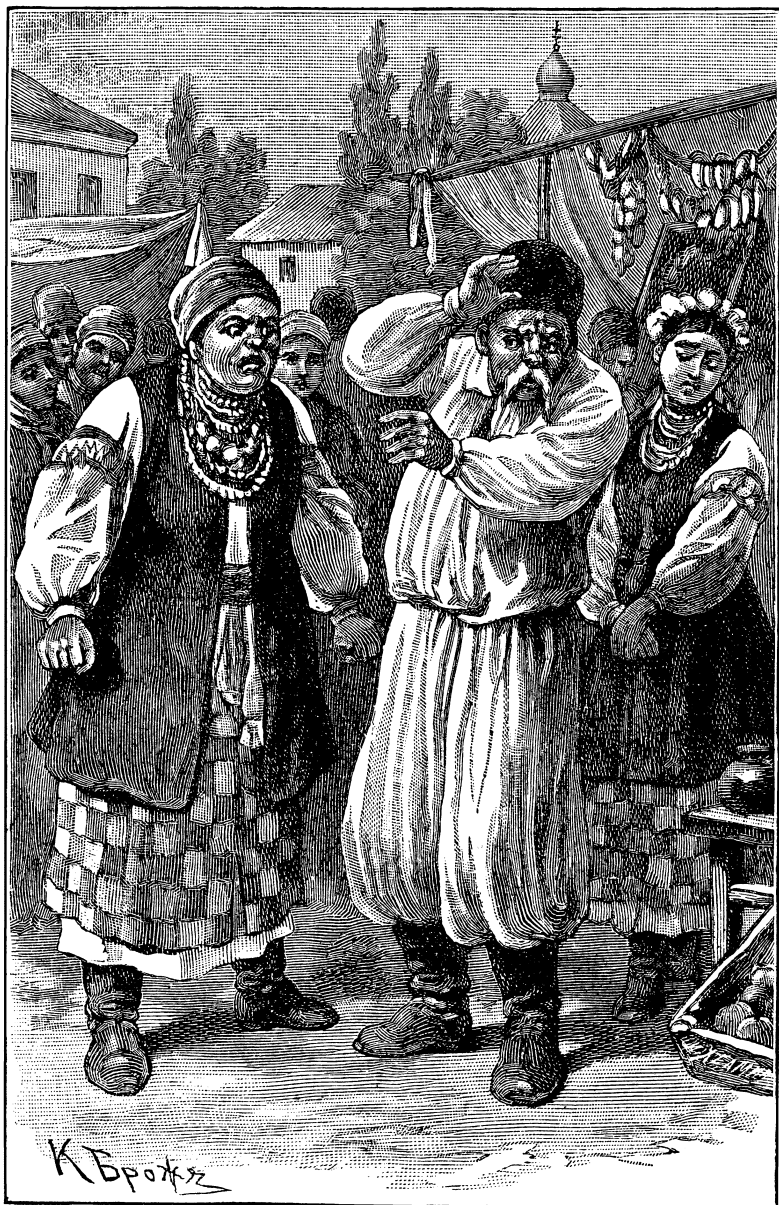
— Э, чем же он сорванец! Ах ты, безмозглая башка! слышишь! чем же он сорванец! Куда же ты запрятал дурацкие глаза свои, когда проезжали мы мельницы; ему хоть бы тут же, перед его запачканным в табачище носом, нанесли жинке его бесчестье, ему бы и нуждочки не было.

— Всё, однако же, я не вижу в нём ничего худого; парень хоть куда! Только разве что заклеил на миг образину твою навозом.

— Эге! да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить! А что это значит? Когда это бывало с тобою? Верно, успел уже хлебнуть, не продавши ничего...

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками, предполагая без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями.

«Туда к чорту! Вот тебе и свадьба! — думал он про себя, уклоняясь от сильно наступавшей супруги. — Придётся отказать доброму человеку ни за что ни про что. Господи, боже мой, за что такая напасть на нас, грешных! и так много всякой дряни на свете, а ты ещё и жинок наплодил!»

V

Не хилися явороньку,
Ще ти зелененький;
Не журися козаченьку,
Ще ти молоденький!¹

Малороссийская песня

Рассеянно глядел парубок в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший вокруг него народ. Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осенённые каким-то едва приметным огненно-розовым светом. Стёкла наваленных кучами оконниц горели; зелёные фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и тёмной меди. Говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонёк, и благовонный пар от варившихся галушек² разносился по утихавшим улицам.

— О чём загорюнился, Грицько? — вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. — Что ж, отдавай волы за двадцать!

---

¹ Не клонись, явор, ты ещё зелёный; не печалься, казак, ты ещё молоденький.

² Галушки — клёцки. (Примеч. Гоголя.)

К Броду

— Тебе бы всё волы да волы. Вашему племени всё бы корысть только. Поддеть да обмануть доброго человека.

— Тьфу, дьявол! да тебя не на шутку забрало. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту?

— Нет, это не по-моему; я держу своё слово; что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на полшеляга¹: сказал, да и назад... Ну, его и винить нечего, он пень, да и полно. Всё это штуки старой ведьмы, которую мы сегодня с хлопцами на мосту ругнули на все бока! Эх, если бы я был царём или паном великим, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам...

— А спустишь волов за двадцать, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?

В недоумении посмотрел на него Грицько. В смуглых чертах цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вместе высокомерное: человек, взглянувший на него, уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле — виселица. Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, вечно осенённый язвительной улыбкой, небольшие, но живые, как огонь, глаза и беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий и умыслов — всё это как будто требовало особенного, такого же странного для себя костюма, какой именно был тогда на нём. Этот тёмно-коричневый кафтан,

---

¹ Полшэ ляга — грош, полкопейки.

прикосновение к которому, казалось, превратило бы его в пыль; длинные, валившиеся по плечам охлопьями чёрные волосы, башмаки, надетые на босые загорелые ноги, — всё это, казалось, приросло к нему и составляло его природу.

— Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжёшь только! — отвечал парубок, не сводя с него испытующих очей.

— За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вот тебе и синица¹ в задаток!

— Ну, а если солжёшь?

— Солгу — задаток твой!

— Ладно! Ну, давай же по рукам!

— Давай!

VI

От біда, Роман іде, от тепер як раз насадить мені бебехів, та й вам, пане Хомо, не без лиха буде².

Из малороссийской комедии

— Сюда, Афанасий Иванович! Вот тут плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом под возы, чтоб москали на случай не подцепили чего.

Так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора

---

¹ Синица — ассигнация (кредитный билет) в пять рублей, синего цвета.

² Вот беда: Роман идёт, вот теперь он как раз отобьёт мне все внутренности, да и вам, пан Фома, не ждать добра.

поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоял в недоумении на нём, будто длинное страшное привидение, измеривая оком, куда бы лучше спрыгнуть, и, наконец, с шумом обрушился в бурьян.

— Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли ещё, боже оборони, шеи? — лепетала заботливая Хивря.

— Тс! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! — болезненно и шёпотно признал попович, подымаясь на ноги, — выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака, по выражению покойного отца протопопа.

— Пойдёмте же теперь в хату; там никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам *болячка*¹ или *соняшница*² пристала: нет, да и нет. Каково же вы поживаете? Я слышала, что пан-отцу перепало теперь немало всякой всячины!

— Суцая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, книшей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частью протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна! — продолжал попович, умильно поглядывая на неё и подсовываясь поближе.

---

¹ Болячка — золотуха. (Примеч. Гоголя.) Золотуха — народное название различных заболеваний кожи.

² Соняшница — боль в животе. (Примеч. Гоголя.)

— Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! — проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застёгивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту. — Варенички, галушечки пшеничные, пампушечки¹, товченички!²

— Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода!³ — сказал попович, принимаясь за товченички и придвигая другою рукою варенички. — Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце моё жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек.

— Вот я уже и не знаю, какого вам ещё кушанья хочется, Афанасий Иванович! — отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

— Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! — шёпотом произнёс попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан её.

— Бог знает что вы выдумываете, Афанасий Иванович! — сказала Хивря, стыдливо потупив глаза свои. — Чего доброго! вы, пожалуй, затеете ещё целоваться!

— Насчёт этого я вам скажу хоть бы и про себя, — продолжал попович, — в бытность мою, примерно сказать, ещё в бурсе⁴, вот как теперь помню...

---

¹ Пампушки — кушанье из теста. (Примеч. Гоголя.)

² Товченики — отваренные в кипятке шарики из теста, внутри которых мелко нарезанное мясо.

³ Ёвин род — женщины. Ева, по библейской легенде, — первая женщина на земле.

⁴ Бурса — духовное училище, семинария.

Тут слышался на дворе лай и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и возвратилась вся побледневшая.

— Ну, Афанасий Иванович! мы попались с вами; народу стучится куча, и мне почудился кумов голос...

Вареник остановился в горле поповича... Глаза его выпятились, как будто какой-нибудь выходец с того света только что сделал ему перед сим визит свой.

— Полезайте сюда! — кричала испуганная Хивря, указывая на положенные под самым потолком на двух перекладинах доски, на которых была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятавшись немного, вскочил он на лежанку и полез оттуда осторожно на доски; а Хивря побежала без памяти к воротам, потому что стук повторился в них с большею силою и нетерпением.

VII

Та тут чудасія, мосьпане!¹

Из малороссийской комедии

На ярмарке случилось странное происшествие: всё наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась *красная свитка*. Старухе, продававшей бублики², почудился сатана, в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся

¹ Да тут чудеса, милостивый государь!

² Бублик — круглый крендель, баранчик.

над возами, как будто ища чего. Это быстро разнеслось по всем углам уже утихнувшего табора; и все считали преступлением не верить, несмотря на то что продавица бубликов, которой подвижная лавка была рядом с яткою шинкарки, раскланивалась весь день без надобности и писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара. К этому присоединились ещё увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалив-

шемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убралась домой. К числу последних принадлежал и Черевик с кумом и дочкою, которые вместе с напросившимися к ним в хату гостями произвели сильный стук, так перепугавший нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видеть из того, что он два раза проехал с своим возом по двору, покамест нашёл хату. Гости тоже были в весёлом расположении духа и без церемонии вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидела как на иголках, когда принялись они шарить по всем углам хаты.

— Что, кума! — вскричал вошедший кум. — Тебя всё ещё трясёт лихорадка?

— Да, нездоровится, — отвечала Хивря, беспокояно поглядывая на доски, накладённые под потолком.

— А ну, жена, достань-ка там в возу баклажку!¹ — говорил кум приехавшей с ним жене. — Мы черпнём её с добрыми людьми; проклятые бабы понапугали нас так, что и сказать стыдно. Ведь мы, ей-богу, братцы, по пустякам приехали сюда! — продолжал он, прихлёбывая из глиняной кружки. — Я тут же ставлю новую шапку, если бабам не вздумалось посмеяться над нами. Да хоть бы и в самом деле сатана: что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сию же минуту вздумалось ему

---

¹ Бакла́жка — бочонок.

стать вот здесь, например, передо мною: будь я собачий сын, если не поднёс бы ему дулю под самый нос!

— Отчего же ты вдруг побледнел весь? — закричал один из гостей, превышавший всех головою и старавшийся всегда выказывать себя храбрецом.

— Я... Господь с вами! приснилось!

Гости усмехнулись. Довольная улыбка показалаась на лице речистого храбреца.

— Куда теперь ему побледнеть! — подхватил другой. — Щёки у него расцвели, как мак; теперь он не Цыбуля, а буряк¹ — или лучше, сама *красная свитка*, которая так напугала людей.

Баклажка прокатилась по столу и сделала гостей ещё веселее прежнего. Тут Черевик наш, которого давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покою любопытному его духу, приступил к куму.

— Скажи, будь ласков, кум! вот прошусь, да и не допрошусь истории про эту проклятую *свитку*.

— Э, кум! оно бы не годилось рассказывать на ночь; да разве уже для того, чтобы угодить тебе и добрым людям (при сём обратился он к гостям), которым, я примечаю, столько же, как и тебе, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть так. Слушайте ж!

Тут он почесал плеча, утёрся полою, положил обе руки на стол и начал:

---

¹ Буряк — свёкла. Цыбуля — лук. (Примеч. Гоголя.)

— Раз, за какую вину, ей-богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта из пекла.

— Как же, кум! — прервал Черевик. — Как же могло это статься, чтобы чорта выгнали из пекла?¹

— Что ж делать, кум? выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты. Может быть, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело, ну и указали двери. Вот, чорту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. Угнезвился в том самом сарае, который, ты видел, развалился под горою и мимо которого ни один добрый человек не пройдёт теперь, не оградив наперёд себя крестом святым, и стал чорт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера, то и дела, что сидит в шинке!..

Тут опять строгий Черевик прервал нашего рассказчика:

— Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы чорта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть, слава богу, и когти на лапах, и рожки на голове.

— Вот то-то и штука, что на нём была шапка и рукавицы. Кто его распознает? Гулял, гулял — наконец пришлось до того, что пропил всё, что имел с собою. Шинкарь долго верил, потом и перестал. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не в треть цены, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмарке; заложил

---

¹ Пёкло — ад. (Примеч. Гоголя.)

и говорит ему: «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги её!» — и пропал, как будто в воду. Жид рассмотрел хорошенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! а красный цвет горит, как огонь, так что не нагляделся бы! Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесал себе пейсики¹, да и содрал с какого-то приезжего пана мало не пять червонцев. О сроке жид и позабыл было совсем. Как вот раз, под вечерок, приходит какой-то человек: «Ну, жид, отдавай свитку мою!» Жид сначала было и не познал, а после, как разглядел, так и прикинулся, будто в глаза не видал: «Какую свитку? у меня нет никакой свитки! я знать не знаю твоей свитки!» Тот, глядь, — и ушёл; только к вечеру, когда жид, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукам деньги, накинуд на себя простыню и начал

¹ Пейсики — длинные пряди волос у висков, оставленные неподстриженными (у евреев, придерживающихся патриархальных обычаев).

по-жидовски молиться богу — слышит, шорох... глядь — во всех окнах повывставлялись свиные рыла...

Тут в самом деле послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свиньи; все побледнели... Пот выступил на лице рассказчика.

— Что? — произнёс в испуге Черевик.

— Ничего!.. — отвечал кум, трясясь всем телом.

— Ась! — отозвался один из гостей.

— Ты сказал...

— Нет!

— Кто ж это хрюкнул?

— Бог знает, чего мы переполошились! Никого нет!

Все боязливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам. Хивря была ни жива ни мертва.

— Эх вы, бабы! бабы! — произнесла она громко. — Вам ли козаковать и быть мужьями! Вам бы веретено в руки да посадить за гребень! Один кто-нибудь, может, прости господи... Под кем-нибудь скамейка заскрепела, а все и метнулись как полоумные!

Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться; кум хлебнул из кружки и начал рассказывать далее:

— Жид обмер; однако ж свиньи на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили его плетёными тройчатками¹, заставляя

---

¹Тройчатка — тройная плетё. (Примеч. Гоголя.)

плясать его повыше вот этого сволока¹. Жид — в ноги, признался во всём... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку перекупке; та привезла её снова на Сорочинскую ярмарку, но с тех пор уже никто ничего не стал покупать у ней. Перекупка дивилась, дивилась и наконец смекнула: верно, виною всему красная свитка. Недаром, надевая её, чувствовала, что её всё давит что-то. Не думая, не гадая долго, бросила в огонь — не горит бесовская одежда! Э, да это чортов подарок! Перекупка умудрилась и подсушила в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочет. Эх, недобрые руки подкинули свитку! Схватил топор и изрубил её в куски; глядь — и лезет один кусок к другому, и опять целая свитка. Перекрестившись, хватил топором в другой раз, куски разбросал по всему месту и уехал. Только с тех пор каждый год, и как раз во время ярмарки, чорт с свиною личиною² ходит по всей площади, хрюкает и подбирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостаёт ему. Люди с тех пор отрекшиваются от того места, и вот уже будет лет с десяток, как не было на нём ярмарки. Да нелёгкая дёрнула теперь заседателя от...

Другая половина слова замерла на устах рассказчика.

---

¹ Сво́лок — перекладина под потолком. (*Примеч. Гоголя.*)

² Ли́чи на — маска.

Окно брякнуло с шумом; стёкла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: а что вы тут делаете, добрые люди?

VIII

...Піджав хвіст, мов собака,
Мов Каїн, затрусивсь увесь;
Із носа потекла табака¹.

Котляревский.

Энеида

Ужас оковал всех находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе. Высокий храбрец, в непобедимом страхе, подскочил под потолок и ударился головою об перекладину; доски посунулись, и попович с громом и треском полетел на землю. «Ай! ай! ай!» — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами. «Спасайте!» — горланил другой, закрывшись тулупом.

Кум, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, пополз в судорогах под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя заслонкою. А Черевик, как будто облитый горя-

---

¹ Поджав хвост, как собака, словно Каин, весь затрясся; из носа потёк табак.

чим кипятком, схвативши на голову горшок вместо шапки, бросился к дверям и, как полоумный, бежал по улицам, не видя земли под собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. Сердце его колотилось, как мельничная ступа, пот лил градом. В изнеможении готов уже был он упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним... Дух у него занялся...

«Чорт! чорт!» — кричал он без памяти, утравляя силы, и чрез минуту без чувств повалился на землю.

«Чорт! чорт!» — кричало вслед за ним, и он слышал только, как что-то с шумом ринулось на него. Тут память от него улетела, и он, как страшный жилец тесного гроба, остался нем и недвижим посреди дороги.

IX

Ще спереди і так, і так;
А ззаду, ей-же-ей, на чорта!¹

Из простонародной сказки

— Слышишь, Влас! — говорил, приподнявшись ночью, один из толпы народа, спавшего на улице. — Возле нас кто-то помянул чорта!

— Мне какое дело? — проворчал, потягиваясь, лежавший возле него цыган. — Хоть бы и всех своих родичей помянул.

— Но ведь так закричал, как будто давят его!

¹ Спереди ещё так-сяк; а сзади, ей-же-ей, похож на чорта!

— Мало ли чего человек не соврёт спросонья!

— Воля твоя, хоть посмотреть нужно; а вырубика огня!¹

Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги; два раза осветил себя искрами, будто молниями, раздул губами трут и с каганцем² в руках, обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, — отправился, освещая дорогу.

— Стой! Здесь лежит что-то, свети сюда!

Тут пристало к ним ещё несколько человек.

— Что лежит, Влас?

— Так, как будто бы два человека, один наверху, другой нанизу; который из них чорт, уже и не распознаю!

— А кто наверху?

— Баба!

— Ну, вот, это ж то и есть чорт!

Всеобщий хохот разбудил почти всю улицу.

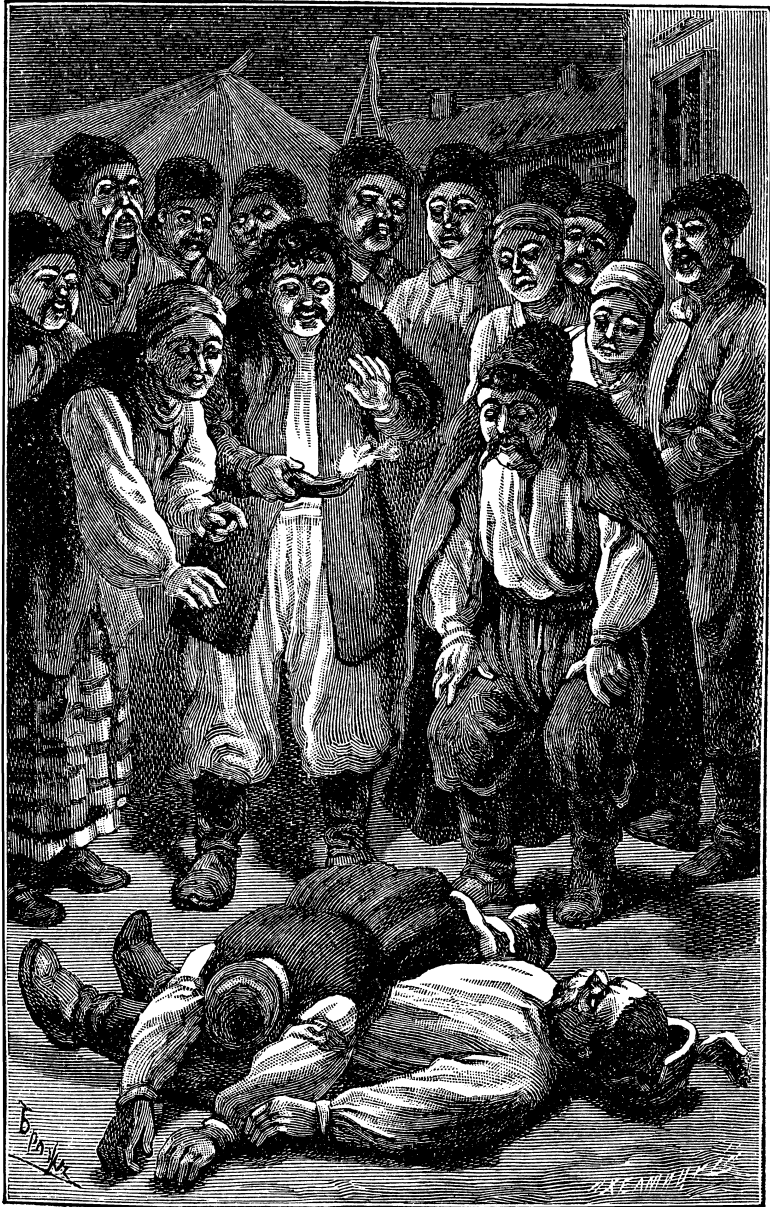
— Баба взлезла на человека; ну, верно, баба эта знает, как ездить! — говорил один из окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы! — говорил другой, поднимая черепок из горшка, которого одна только уцелевшая половина держалась на голове Черевика. — Какую шапку надел на себя этот добрый молодец!

---

¹ Вы́ руби огня́ — высеки огонь из кремнёвого огнива; огнивом пользовались в то время, когда ещё не были в употреблении серные спички.

² Кага́нец — светильник в виде черепка, плоски, блюдечка с фитилём, опущенным в сало или растительное масло.

Увеличившийся шум и хохот заставили очнуться наших мертвецов, Солопия и его супругу, которые, полные прошедшего испуга, долго глядели в ужасе неподвижными глазами на смуглые лица цыган. Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окружённых тяжёлым подземным паром, в мраке непробудной ночи.

Х

Цур тобі, пек тобі, сатанинське навождєніє!¹

Из малороссийской комедии

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму со всех труб понеслись навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела. Овцы заблеяли, лошади заржали; крик гусей и торговок понёсся снова по всему табору — и страшные толки про красную свитку, наведшие такую робость на народ в таинственные часы сумерек, исчезли с появлением утра.

Зевая и потягиваясь, дремал Черевик у кума, под крытым соломою сараем, вместе с волами, мешками муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имел желанія расстаться с своими грёзами, как вдруг услышал голос, так же знакомый, как убежище лени — благословенная печь его хаты или шинок дальней родственницы, находившийся не далее десяти шагов от его порога.

---

¹ Чур меня, чур, сгинь, дьявольское навождєніє!

— Вставай, вставай! — дребезжала на ухо нежная супруга, дёргая его изо всей силы за руку.

Черевик, вместо ответа, надул щёки и начал болтать руками, подражая барабанному бою.

— Сумасшедший! — закричала она, уклоняясь от взмаха руки его, которою он чуть было не задел её по лицу.

Черевик поднялся, протёр немного глаза и посмотрел вокруг.

— Враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю, словно москаля, те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум...

— Полно, полно тебе чепуху молоть! Ступай веди скорей кобылу на продажу. Смех, право, людям: приехали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали...

— Как же, жинка, — подхватил Солопий, — с нас ведь теперь смеяться будут.

— Ступай! ступай! с тебя и без того смеются!

— Ты видишь, что я ещё не умывался, — продолжал Черевик, зевая и почёсывая спину и стараясь, между прочим, выиграть время для своей лени.

— Вот некстати пришла блажь быть чисто-плотным! Когда это за тобою водилось? Вот рушник¹, оботри свою маску...

---

¹ Рушник — полотенце.

Тут схватила она что-то свёрнутое в комок — и с ужасом отбросила от себя: это был *красный обшлаг свитки!*

— Ступай, делай своё дело, — повторила она, собравшись с духом, своему супругу, видя, что у него страх отнял ноги и зубы колотились один об другой.

— Будет продажа теперь! — ворчал он сам себе, отвязывая кобылу и ведя её на площадь. — Недаром, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову; и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли ещё, как вспомнил я теперь, не в понедельник мы выехали. Ну, вот и зло всё!.. Неугомонен и чорт проклятый: носил бы уже свитку без одного рукава; так нет, нужно же добрым людям не давать покою. Будь, примерно, я чорт, — чего оборони боже, — стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?

Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым и резким голосом. Пред ним стоял высокий цыган.

— Что продаёшь, добрый человек?

Продавец помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал с спокойным видом, не останавливаясь и не выпуская из рук узды:

— Сам видишь, что продаю!

— Ремешки? — спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

— Однако ж, чорт возьми, земляк, ты, видно, её соломою кормил!

— Соломою? — Тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного поносителя, но рука его с необыкновенною лёгкостью ударилась в подбородок. Глянул — в ней перерезанная узда и к узде привязанный — о ужас! волосы его поднялись горою! — кусок *красного рукава свитки!*.. Плюнув, крестясь и болтая руками, побежал он от неожиданного подарка и, быстрее молодого парубка, пропал в толпе.

XI

За мое ж жито та мене й побито¹.

Пословица

— Лови! лови его! — кричало несколько хлопцев, в тесном конце улицы, и Черевик почувствовал, что схвачен вдруг дюжими руками.

— Вязать его! это тот самый, который украл у доброго человека кобылу.

— Господь с вами! за что вы меня вяжете?

— Он же и спрашивает! А за что ты украл кобылу у приезжего мужика, Черевика?

— С ума спятили вы, хлопцы! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?

— Старые штуки! старые штуки! Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам гнался?

---

¹ За мою же рожь да меня же и побили.